

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

УХОД ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Своим последним спектаклем он укоротил себе жизнь. Но иначе не мог

Сегодня девять дней, как ушел из жизни великий актер и уникальнейший человек Михаил Андреевич Глузский. Около дедушки снова собралась вся семья. Только место встречи — не уютный дом на улице Черняховского, а Ваганьковское кладбище, на аллее рядом с его друзьями: старым — Булатом Окуджавой и молодым — Евгением Дворжецким.

Нахохлившись, стоят выросшие внуки. Ксюша, пару месяцев назад блестяще защитившаяся на юрфаке Боннского университета, Михаил Андреевич Глузский-младший, только что закончивший юрфак в Москве, Саша — студент Юридической академии и младшая, 16-летняя Лизонька, собирающаяся пойти по стопам деда. Рядом, как и все прошедшие с похорон дни, толпится народ: кто-то принес свои стихи, кто-то целый день читает молитвы, пожилой полноватый мужчина по-детски, кулаком вытирает слезу: "Какой талант был!"

— Не скажу, что дед полностью реализовался, — говорит его внук, Михаил Глузский. — Он всю жизнь искал работу, новое применение своим способностям. Даже когда ему было уже за восемьдесят, при отсутствии ролей учил стихи — чтобы всегда быть в форме. За последние лет восемь, когда он работал в театре "Школа современной пьесы", реально у него было всего несколько ролей в спектаклях "Уходил старик от старухи", двух "Чайках" — чеховской и акунинской, да ввод в "Антигоне из Нью-Йорка".

Михаил Андреевич все время мечтал найти "пьесу про себя". Не про себя, Глузского, а про себя — человека. "Это может быть Островский, Арбузов, а может и современный автор", — делился он со своими близкими. И вот в начале мая Евгений Гришковец принес пьесу, написанную специально для Михаила Андреевича. Она ему понравилась, и он уже начал готовиться к роли. А спустя еще пару дней позвонил известный режиссер: "Наконец-то я нашел деньги. Есть две главные роли — для вас, Михаил Андреевич, и Саши Абдулова! Ждем вашего выздоровления"... Вообще-то Глузский и не собирался задерживаться в больнице. 9 мая поехал на кремлевский прием у президента, потом выступал на вечере памяти Булата Шалвовича Окуджавы, вечером же, по давней своей традиции, обзванивал, поздравлял друзей-фронтовиков. А 10 мая актер лег в больницу всего лишь на недельку — на профилактический осмотр перед поездкой на "Кинотавр"...

Творческих планов у Михаила Андреевича всегда было много. Режиссер театра "Школа современной пьесы" Иосиф Райхельгауз собирался восстанавливать знаменитый спектакль "Уходил старик от старухи". Сначала Михаил Андреевич отнесся к этому скептически: кто может заменить Марию Владимировну Миронову! Да и они на репетициях долго, словно муж

и жена, притирались друг к другу. Правда, чтобы потом ни разу не поссориться друг с другом на сцене. Но не так давно Михаил Андреевич снова стал подумывать о любимом спектакле — серьезно и даже немножко придирчиво, словно жених на смотринах, начал выбирать себе новую партнершу. Вроде бы на роль подошла Вия Артмане, но в силу разных причин она не смогла участвовать в спектакле. Потом появилась еще одна "старуха", замечательная питерская актриса Зинаида Шарко. Дело шло к "сговору". И вдруг приходит письмо, где она пишет: "Все время меня сопровождало чувство, что что-то со спектаклем не так. На днях бродила по парку, подошла к какой-то старинной могиле. И вдруг чувствую — не помню ни строчки, в голове — чистый лист. Я поняла, что и Мария Владимировна не хочет, чтобы восстанавливали спектакль".

Потом появилась чеховская "Чайка". И хотя Сорину (которого играл Глузский) по пьесе 62 года, Михаил Андреевич так легко, так непринужденно двигался по сцене, что никто и не думал, что он старше своего героя на 20 лет... Затем новая, акунинская, "Чайка". В этой пьесе образ Сорина не вдохновил актера: два часа на сцене — но минимум действия, текста. На премьерной афише он даже написал Борису Акунину: "Сорин до конца не проработан". Однако дисциплина для Михаила Андреевича была превыше всего: он — штатный актер театра и потому считал, что обязан сыграть эту роль. Именно в образе Сорина "по-акунински" Михаил Андреевич и вышел последний раз 13 мая на сцену.

— Вечером накануне я приехал к папе в больницу: температура ровно 39, чувствует себя неважно, — вспоминает Андрей Михайлович. — Грустно смотрит на меня: что же, отменять завтрашний спектакль? Говорю: "Ничего, перенесем на другой день". Утром звонит мама: "Кажется, он собирается играть спектакль". Приезжаю. А у папы есть один взгляд такой, когда понимаешь: все, спорить бесполезно, решение принято. Единственное, что он спросил: "Мне вызвать из театра машину или ты подвезешь?" Все время в театре папа ходил самостоятельно, без посторонней помощи. А после аплодисментов в гримерку пришел, вообще не опираясь на палочку. Директор театра предложил коньячку. Он выпил полрюмочки, потом позвал молодого и очень талантливого, по его мнению, актера Саида Багова, который возил его по сцене на кресле: "Я специально не допил, второй глоток — ваш. Ведь мы, кажется, неплохо сегодня сыграли". По дороге обратно, в больницу, папа объяснил мне: "Понимаешь, воскресенье, хотя и дождливое. 600 человек придет в театр, на праздник. А им говорят — приходите в июне. Представь их настроение! Я не мог не сыграть". На следующий день ему стало хуже...

Светлана ПЛЕШАКОВА.